

Галина Волчек:

«Не верю в будущее, у которого нет сегодняшнего дня»

Россиянка Висити, 1992 - 30 окт.

О «Современнике» сейчас принято говорить в ностальгическом ключе. И ничего не поделаешь: театр стал таким же символом, знаком московской жизни шестидесятых годов, как портрет «дяди Хамы» в «приличном доме», как поэтические вечера в Политтехическом музее или, скажем, фильм «Девять дней одного года». Хотя Галина Волчек - актриса и художественный руководитель театра, этого тона не приемлет. «Я ловлю себя на том, что у меня нет внутренней потребности вспоминать. Видимо, потому, что не верю в прошлое, у которого нет будущего, и не верю в будущее, у которого нет сегодняшнего дня. А у меня пока есть активное сегодня. Слава Богу...»

- И все же... Уже выросло поколение, которому родители, бабушки и дедушки с увлеченными глазами рассказывают о том, как представляли ночи за билетами в «Современники». Теперь этого нет...

- Каким был театр тогда? Да ничуть не лучше, чем сегодня. Конечно, он был прекрасен своей юностью, первобытным коммунизмом, когда все были молоды и равны перед общей целью, и не были страшны никакие преграды. И были бессонные ночи, и на них хватало здоровья, и еще ни у кого не было ни детей, ни сыновей... Это продолжалось ровно два года. Потом у кого-то родились ребенок, кого-то пригласили сниматься в кино, и появились объективные причины для нарушения написанных норм студийной жизни. Ефремов - молодец, что снял из названия слово «студия» через восемь лет, когда оно уже никак не соответствовало действительности. Хотя дух студийности еще

долго определял атмосферу в театре.

С тех пор прошло больше тридцати пяти лет. Из «старых» остались только трое: Кваша, Толмачева да я. Поэтому и театр этот уже другой, но зал полон так же, как и тридцать пять лет назад. С расстояния все кажется розовым. На самом же деле всякое было: и хорошее, и плохое...

- Самое плохое - это когда закрывали спектакли?

- Трудно сказать. У нас не было спектаклей, которых бы не закрывали. Мы иногда сдавали спектакли по восемь раз, иногда по семь. Иногда - несчастный случай - с третьего раза. Я даже одному начальнику вынуждена была сказать, что он открыл новый вид спорта. В спорте три попытки, у нас только с восьмой принимаю спектакль. Но сейчас об этом уже даже неловко говорить, равно как и о том - был ли членом партии или не был. Ну я не была, и что дальше? Я знала многих партийных

функционеров, настроенных гораздо более критично и демократично, чем беспартийные...

- А самое хорошее?

- Многие... Ну вот, например, гастроли по стране. Мы никогда не представляли, так сказать, «официальное лицо» нашего искусства, и потому до перестройки театр на Запад не выезжал. (Нас иногда лишь по социалистическим соседям посылали.) Хотя однажды был такой случай: неожиданно все-таки решили выступить... Над театром в Стокгольме уже развивался флаг Советского Союза. В последний момент все рухнуло: двое наших товарищей оказались «невыезжаемыми» и все остальным. Государство заплатило неустойку за наше упрямство или, как нам тогда сказали, «жестокость». Тем не менее нам было интересно объездить всю страну от Владивостока до Караганды. У нас до сих пор остались верные друзья во всех странах СНГ.

- Нынешнее лето вы провели в Москве?

- Сейчас гастроли да в пределах России нереальны. Вы знаете, сколько стоит гостиница? А театр выезжает в количестве 60 человек.

- Еще пару лет тому назад мы сравнивали свое время с хрущевской «оттепелью». Однако в эти годы вторично пережили шестидесятые о театре мы слышали лишь то, что он в кризисе и - совсем ничего о поэзии, да и вообще о современной литературе, а уж в отечественном кино не было не только «Девяти дней одного года» или «Рублева» - оно и вовсе куда-то ушло.

- Сначала несколько слов относительно

но «кризиса» театра. Я помню, когда пришла в театральную студию, первое, что услышала - это слова о «кризисе» театра. С тех пор я прожила в театре 35 лет и слышу их ежедневно. Объявлен кризис театра (у нас ведь все объявляют), а я илюлю, зал полон и у входа спрашивают лишние билеты. Да, в Москве есть театры, где зал пустует. Но может быть, тогда стоит говорить о кризисе отдельных театров, а не о кризисе театра.

Что же касается параллелей между концом восьмидесятых и шестидесятых - недаром же то время называлось «оттепелью». «Оттепель» - мягкое слово. Это еще и тепло, но уже тает снег. А тут из огня да в полымя. Резкий переход от холода к жару как в организме вызывает болезненную реакцию, так и в обществе. Так и в искусстве. Мы ведь ни к чему не были подготовлены. И потому, думаю, сейчас в кино, в литературе, в драматургии некое оценивание.

- Но «Современники» всегда стремились говорить о том, что волнует зрителя сейчас, что бы там ни было на дворе: оттепель ли, застой, перестройка...

- Сразу после 85-го мы, образно говоря, «обжали» всю запретную территорию, высказались обо всех проблемах, которые ранее были запрещены. С надругалом, бегом выпустили и «Миренное кладбище», и «Звезды на утреннем небе» Галина и «Мурлин Мурло», «Колыбель», «Крутой маршрут» Гинзбург, «Кота домашнего среднего пушистости». Войнашек и много других спектаклей. Все, что было в стопле. Все, что не «проглатывали». Все, что можно было сказать, когда освободился от кляты рот,

мы спешили сказать. Хуже, лучше получилось - судить зрителю. В сегодняшнем драматургическом вакууме я никак не объясню наших драматургов, писателей. Для того чтобы происходящее стало предметом литературы, театра, нужно, чтобы впечатления отстоялись, превратились в некую философию. Пока этого не произошло. И я беру любой материал, который переключается с нашим временем в настроение, в атмосферу, в чем-то другом.

- И потому вы решили обратиться к опасной в таких случаях классике?

- «Африса» Леонида Андреева моральными и нравственными беспределом корреспондируется с сегодняшней ситуацией в обществе, с той смутой, в которой мы существуем. Когда у человека нет оснований ни перед чем, когда нет никаких моральных критериев, когда возможна кровь, насилие, глумление над личностью.

- Для своей последней премьеры вы взяли пьесу израильского автора...

- Да. Это «Трудные люди» Бар-Йосафа. Но в ней нет национальных проблем (я думаю, что сейчас было бы нечестно говорить на эту тему на основании израильской пьесы). Это очень человеческая история, которая касается всех. Наверное, она затрагивает душу, иначе не спрашивали бы «лишний билетик» от метро.

Всегда существует ошибочное представление о том, что «Современники» всегда ставил только социальные пьесы. «Современники» и на заре своей прекрасной юности обращался к американской пьесе «Двое на чужбине», которая не была политической, но в ней был

«микроскопический» подход к человеку, сосредоточенность на его душе, чувстве.

- Что нового мы увидим в этом сезоне?

- Пьесу швейцарского драматурга Ариэля Dorfana «Смерть и девушка». Ее мировая премьера состоялась в Лондоне и на Бродвее. Ныне к этому произведению обратились театры 40 стран. «Современники» от автора получили право на показ пьесы в течение четырех лет. Пополнит репертуар одно из известнейших произведений русской классики и пьеса английского драматурга XVII века Уильяма Уичерли «Прямодушный». Уичерли поставит молодой режиссер Татьяна Архипцева.

- Вы не боитесь уронить престиж театра, пригласив молодых режиссеров?

- Боюсь, конечно. Но без риска нельзя жить. Я всегда грешила тем, что рисковала, - звала сюда молодых. У них есть «ухло на сегодняшний зеву».

- Они слышат то, чего мы уже не можем услышать?

- Да. И я имею в виду не только в режиссуре, а вообще в этой жизни. Вот, например, стоит компьютер (я одного этого слова пугаюсь) и мне говорит: подойдите, поиграйте. «Да что вы, - отвечаю я, - не знаю, за какую кнопку-то нажимать». Рядом молодой человек, который без всяких размышлений подойдет и нажмет кнопку. А если ошибется, нажмет другую. У него нет инерции страха, стереотипного мышления. Поэтому столько бизнесменов среди молодых людей. Хорошо ли это? Не знаю. Вы можете, предположить, дать этому своему молодому оценку. Но это тоже будет неверно, потому что мы перешли в другую жизнь и не знаем, насколько правы ли в ней наши старые моральные оценки. Предположим, я скажу: какой ужас - всю Москву застроили этими жалкими панельками! А может быть, те, кто смотрит в будущее без моральных критериев, опознавательных знаков, скажут: да, но это путь к тому, чтобы... и так далее.

- Не может ли быть прав человек, который живет без того, что вы называете «литерическим опознавательными знаками»?

- Не знаю. Нам рассудит время. Беседу вела Татьяна СЕМАШКО.